УДК 14:316.75:32

ТАРАСОВ О.И.

Консерватизм: проблема терминологической неопределенности

В статье анализируются ситуативный и содержательный подходы к определению сущности консерватизма, основные принципы и возможность их синтеза.

Ключевые слова: консерватизм, ситуативный подход, традиционализм.

Современный российский консерватизм[1] представляет собой сложное и многоуровневое явление, комплексное изучение которого требует решения ряда важных промежуточных задач. По-прежнему актуальными остаются проблема внешней демаркации, размежевания консерватизма и иных социально-философских доктрин (либерализма, либерал-консерватизма и проч.), а также проблема внутренней типологизации различных направлений и течений современной консервативной мысли в России. Последовательное решение указанных проблем позволит приблизиться к наиболее полному и целостному изучению современной консервативной мысли, необходимость в котором очевидно назрела.

В качестве одной из базисных задач на пути достижения этой цели предлагается рассмотреть вопрос о проблеме терминологической неопределенности понятия «консерватизм», решение которого позволит открыть путь к самоидентификации отечественной консервативной мысли, выявлению генезиса и преемственности различных этапов ее развития.

Сложная социально-философская природа понятия «консерватизм» предопределила неоднозначность его дефиниции, что подчеркивается широким спектром различных точек зрения на этот вопрос.

В свете поставленной проблемы необходимо критически рассмотреть в обобщенном виде имеющиеся подходы к решению данного вопроса.

Предельная пластичность и аморфность идейно-теоретического содержания консервативной мысли имеют своей причиной целый комплекс различных факторов. К числу внутренних факторов необходимо отнести специфичность и уникальность национально-культурных и исторических моделей консерватизма, а также широкое многообразие различных течений и направлений внутри самого консерватизма. Внешним фактором идейно-теоретической неопределенности консерватизма выступает зачастую плохо скрываемая субъективность исследователей, каждый из которых «стремится вложить собственное понимание, увидеть в консерватизме то содержание, которое хочет увидеть»[2]. Между тем необходимо сохранять предельную осторожность в весьма распространенных попытках выявления «настоящего» и «ненастоящего», «подлинного» и «ложного» консерватизма. Стрем-

ление сорвать маски с «фальшивых» форм консерватизма часто представляет собой лишь волюнтаристский произвол исследователя, несовместимый с принципами объективной науки.

Весьма распространенная практика синтеза политологического, социологического, психологического, исторического и юридического подходов к консерватизму, хотя и обладает несомненной эвристической ценностью, может испытывать проблемы при сопоставлении категориального аппарата различных научных дисциплин. Идейно-теоретическое содержание консерватизма открывается различным социогуманитарным научным дисциплинам, но только философия в целом и социальная философия в частности способны выявить подлинную сущность консерватизма как сложного и многомерного социального феномена.

На пути преодоления терминологической неопределенности следует особо отметить две важные тенденции в исследовательской среде.

По сложившейся академической традиции в качестве наиболее общей методологической базы для анализа консерватизма выступают т.н. ситуативный и содержательный подходы[3].

Ситуативный подход, становление которого восходит к имени американского социолога и политолога Самюэля Ф. Хантингтона, тяготеет к пониманию консерватизма как своеобразной функции сохранения устоявшихся общественных порядков перед лицом скоротечных либеральных реформ. По мнению Хантингтона, консерватизм «возникает из определенной, но повторяющейся исторической ситуации, в которой носители стабильной организации используют консервативную идеологию как защиту»[4].

Подобный подход при ближайшем рассмотрении создает впечатление максимального соответствия самому термину «консерватизм». Обращаясь к этимологии понятия «консерватизм», необходимо отметить, что оно происходит от латинского глагола «con-servo», имеющего среди прочих значения хранить, охранять, сберегать, соблюдать, беречь[5].

При ситуативном подходе «центр тяжести» в понимании сущности консерватизма постепенно перемещается с предмета охранения на функциональное (охранительное) значение в рамках определенной социальной реальности. Предмет охранения теряет свое самостоятельное значение, а консервативной при этом следует назвать любую общественную силу, осуществляющую борьбу за сохранение устоявшихся порядков, будь то либеральных или коммунистических. Консервативным признается всякое устремление к сохранению status quo существующей социальной реальности или ее отдельных сторон, все, что «выполняет охранительно-сдерживающую функцию в обществе по отношению к революционно-деструктивным изменениям»[6].

Слабые стороны подобной интерпретации консерватизма еще будут указаны ниже, пока же стоит отметить, что ситуативный подход пользуется большой популярностью, это достаточно простой и понятный метод, позволяющий эффективно выявлять консервативные тенденции в обществе. Его ярко выраженный антиуниверсализм снимает ряд острых проблем, связанных с поиском инвариантов идейной платформы консерватизма. В этом же, впрочем, некоторые видят и его недостаток. Попытка функционального прочтения консерватизма может привести к еще большей размытости границ последнего. Ведь если предмет охранения теряет свою значимость, то консервативным следует признать всякое стремление сохранить существующий строй, будь то революционный большевизм или либертарианство, а это вступает в противоречие со здравым смыслом. «Представляется, что ситуационная трактовка консерватизма делает его понимание размытым, аморфным, лишенным сущностных черт и критериев», – заключает М.Ю. Чернавский[7].

Иначе воспринимается сущность консерватизма сторонниками содержательного подхода. Для последних консерватизм предстает универсальной системой ценностей, идей и взглядов, находящейся вне национальной, исторической или политической привязки к конкретной со-

циальной общности. Консерватизм, таким образом, сводится к отстаиванию определенных идей, принципов и установок, которые признаны в человеческом обществе как наиболее эффективные и надежные. Подобный подход, очевидно, стремится не столько к сохранению, сколько к отстаиванию определенных универсальных ценностей и идей.

Отличительной чертой содержательного подхода является его стремление к универсализации консервативной мысли, сглаживанию ее национально-культурных различий. Консервативная идеология, таким образом, приобретает универсальный и даже вневременной характер. В этом, вероятно, следует видеть ключевое отличие содержательного подхода от ситуативного. В рамках последнего охраняемые отношения и ценности в обществе всегда носят уникальный характер.

В этом же состоит и заметный недостаток подобного подхода. Попытка выявить универсальные черты консервативного мышления, свойственные разным эпохам и народам, фактически приводят лишь к самым общим и оттого весьма неопределенным установкам[8]. Глубокий и пристальный анализ вновь заставит нас обратить внимание на специфические черты конкретной национально-культурной модели консерватизма, что возвращает нас к особенностям ситуативного подхода.

Так или иначе, указанные подходы отражают важнейшие качественные характеристики консерватизма. Несмотря на имеющиеся недостатки, представляется очевидным, что именно на стыке ситуативного и содержательного подходов следует искать наиболее емкое и адекватное определение консерватизма.

Другой важной тенденцией в академической среде является стремление выделить в качестве центральной категории консерватизма понятие «сохранение». Ряд авторов указывают на тот факт, что именно сохранение существующего порядка вещей, выраженное в безусловном признании эволюционного пути развития общества, а также активном сопротивлении революционным тенденциям в обществе, отражает суть консерватизма.

Этот подход, на первый взгляд, прекрасно отражающий этимологию понятия, на сегодняшний день едва ли может отвечать реалиям современного общества. Классический консерватизм Э. Берка, будучи, по общепризнанному мнению, реакцией на идейное влияние Французской революции и эпохи Просвещения, действительно ставил акцент на сохранении существующего общественного строя. Однако последующая эволюция консервативной мысли открыла перед нами реальность либерального, модернизационного, радикального и даже революционного консерватизма. При всей кажущейся противоречивости указанных понятий, их состоятельность и правомерность утверждены на сегодняшний день если не твердой теоретической базой, то, как минимум, авторитетом времени.

А из этого следует вывод, что весьма распространенная в научной среде оценка консерватизма как «сохранения» едва ли выдержит испытание временем при дальнейшей эволюции консерватизма. Достаточно привести в качестве примера современных российских консерваторов-монархистов, которые на сегодняшний день отстоят от «предмета» сохранения (монархии) более чем на несколько десятилетий. Ни о каком «сохранении» в буквальном смысле этого слова здесь, конечно, речь не идет, как не идет здесь речь также и о сохранении некоего пресловутого существующего порядка вещей. Данный пример, как и множество других, указывает на тот факт, что консерватизм в своей рефлексии может опираться не на существующую социальную реальность и интересы господствующего класса, а на некий позитивно оцениваемый идеальный концепт, обладающий безусловным превосходством перед существующим общественным строем.

В этой связи представляется целесообразным отказаться от понятия «сохранение» как центральной категории консерватизма в пользу более адекватного концепта. Таковым при оценке всего многообразия консервативных течений может стать понятие «традиция». Так, отечественный исследователь В.А. Гусев ука-

зывает, что «консерватизм, бесспорно, отличается от всех других политических идеологий наиболее пристальным вниманием к общественному наследию и стремится опереться на ту или иную историческую традицию, как на фундамент своих теоретических построений»[9]. Традиция, понимаемая как позитивно оцениваемая часть культурно-исторического наследия общества, выступает в консерватизме в качестве «сверхценности» и ориентира социального развития.

Подобная «переоценка» сущности консерватизма помимо всего прочего устраняет возможность пейоративной интерпретации консерватизма в качестве конформистского учения, призванного обслуживать интересы господствующего класса.

Впрочем, отмеченная смена установки в интерпретации консерватизма может создать ложное впечатление смешения, отождествления или подмены последнего традиционализмом. Особо стоит отметить присутствующую здесь неоднозначность оценок исследователей по поводу вопроса о соотношении консерватизма и традиционализма. Все многообразие точек зрения по данному вопросу можно свести к трем позициям: 1) традиционализм тождествен консерватизму; 2) традиционализм является формой консерватизма; 3) консерватизм является формой традиционализма.

Возможные варианты решения проблемы соотношения консерватизма и традиционализма во многом зависят от выбранного нами понимания последнего. Если рассматривать традиционализм как выраженное в различных формах стремление следовать определенной традиции, то консерватизм естественно рассматривать как одну из подобных форм.

Глубокому анализу данное положение было подвергнуто в трудах польского исследователя консерватизма Ежи Шацкого. Анализируя различные способы следования традиции, Е. Щацкий выделяет «примитивную» и «идеологическую» формы традиционализма. Как отмечает В.А. Гусев, «первый вид характерен для «примитивных» или «традиционных» обществ и отличается отсутствием рефлексии, рационального осмысления традиции»[10]. Идеологический традиционализм приходит на смену традиционному, когда традиция подвергается критике и теряет священный статус в обществе. Нетрудно заметить, что типология традиционализма у Е. Шацкого отвечает хронологической последовательности эволюции человеческого общества.

Рассматривая консерватизм в качестве частного случая традиционализма, Е. Щацкий выделяет также в последнем «архаизм» как стремление следовать уже не существующей традиции. Как отмечает А.В. Деникин, Е. Шацкий «заимствует термин «архаизм» у А. Тойнби для фиксации идеологии, выступающей против существующей системы, за возврат, реставрацию прошлого посредством уничтожения настоящего»[11]. Нетрудно заметить, что под понятие «архаизм» в современной России подпадают не только консерваторы-монархисты, но и представители т.н. левого консерватизма, наиболее влиятельного в настоящее время течения, апеллирующие в своих трудах к социалистической традиции Советского государства, существовавшей до 1985–1991 г. Консерватизм же при этом рассматривается Е. Шацким как стремление сохранить существующий порядок вещей (status quo).

Следует согласиться с В.А. Гусевым в том, что «такая позиция все же не отвечает сложившейся терминологии, как не отвечает ей и отождествление традиционализма с консерватизмом»[12]. Как уже отмечалось выше, консерватизм может быть ориентирован на любую, в том числе уже и не существующую, традицию. Следовательно, стремление сохранить status quo существующей социальной реальности еще не исчерпывает внутреннего содержания консерватизма. Таким образом, то, что Шацкий определял в качестве «архаизма», является правомерной составляющей консерватизма как такового.

Также необходимо заметить, что сам термин «архаизм» имеет негативную оценочную коннотацию и едва ли уместен в отношении взглядов определенных мыслителей современности.

Сам В.А. Гусев, рассматривая консерватизм как традиционализм, сделавший-

ся «сознательным», полагает необходимым свести традиционализм исключительно к его «примитивной» форме, выделенной Е. Щацким. Традиционализм, таким образом, «предстанет как автоматическое, нерефлектирующее, подсознательное следование традиции, а консерватизм – как осознанное, осмысленное»[13].

Однако даже подобное решение все же нельзя признать удовлетворительным. Проводя жесткую разделительную линию между консерватизмом и традиционализмом, мы теряем принципиальную новизну и оригинальность понимания консерватизма как осознанного следования определенной культурно-исторической традиции. Этимология двух терминов как будто бы делает предпочтительным исследователю определять традицию в качестве центральной категории традиционализма, а консерватизм продолжать интерпретировать, согласно сложившейся практике, через понятие «сохранение».

Во избежание крайностей этого непродуктивного подхода гораздо разумнее рассматривать консерватизм в качестве рефлексивной формы традиционализма, существующей наряду с нерефлексивной формой, именуемой Е. Шацким примитивным традиционализмом. Дополнительным свидетельством в пользу данной типологии является то, что мнение об осознанном характере консервативного мышления является общепризнанным среди исследователей консерватизма. Данная черта и позволяет нам отнести консерватизм к рефлексивной форме традиционализма.

Традиционализм, таким образом, следует рассматривать как более общее понятие, по отношению к которому консерватизм находится в положении подчинения.

Здесь же находит свое решение и проблема соотношения понятий консерватизма и охранительства, обыкновенно в научных трудах отождествляемых между собой. По характеру культурно-исторической традиции в консерватизме следует выделять его историческую и охранительную формы. К историческому типу следует отнести те консервативные течения, которые в своей рефлексии апеллируют к несуществующей, исчезнувшей культурно-исторической традиции и реставрация которой может составлять предмет чаяния ее поклонников[14]. Те же течения в консерватизме, которые выступают за сохранение ныне существующего общественного строя и порядка вещей, следует определять как охранительную (реакционную) форму консерватизма.

Обобщая вышеизложенное, мы можем определить консерватизм как рефлексивную форму традиционализма, выраженную в осмысленном стремлении следовать определенной традиции как позитивно оцениваемой части культурно-исторического наследия общества.

Обозначив традицию в качестве центральной категории консерватизма, необходимо указать, что подобный подход способен не только охватить собой всю широту существующих консервативных учений, но и пролить свет на причины кажущейся аморфности и пластичности самого консерватизма.

Прежде всего необходимо отметить, что выбор определенной культурно-исторической традиции каузально обусловлен не конкретной исторической ситуацией, как указывают сторонники ситуативного подхода, а волевым актом социального субъекта, будь то индивид, группа индивидов или общество в целом, на основании его ценностной ориентации. Поскольку в качестве следования определенной традиции выделяется лишь часть культурно-исторического наследия общества, а последнее может формироваться из смешения различных культур и традиций, то избранные различными субъектами ценности внутри разных традиций, несомненно, могут быть противоположны друг другу и даже вступать во взаимное противоречие. Тем более следует ожидать подобное от представителей традиционализма, принадлежащих к различным обществам и культурам. Русский консерватор может исходить из совершенно иных идеологических установок и социальных ценностей, чем представитель американского или европейского консерватизма, и даже считать последнего своим идеологическим оппонентом. Причиной тому является не аморфность консерватизма как та-

кового, а глубокое различие между охраняемыми традициями.

Подводя итоги, необходимо дать оценку предложенной трактовке консерватизма в свете ситуативного и содержательного подходов. Несмотря на постулируемую контрарность двух интерпретаций, обе они в сущности лишь отражают разные аспекты консервативного мировоззрения. Выбор определенной культурно-исторической традиции действительно ситуативен, хотя и не предопределен жестко, как было указаны выше, ни конкретно-исторической ситуацией, ни интересами господствующего класса. Однако сама по себе охраняемая традиция, безусловно, представляет собой достаточно четко ограниченный набор взаимосвязанных идей, ценностей и установок, что и подчеркивается представителями содержательного подхода.

[1] Очевидная на сегодняшний день проблема терминологической путаницы («русский», «россиянский», «российский консерватизм», «русский неоконсерватизм» и др.) выходит за рамки настоящей статьи. С известной долей условности далее для обозначения современного этапа развития консервативной мысли будет употребляться понятие «российский консерватизм».

[2] Чернавский М.Ю. Два подхода к определению консерватизма // Традиционализм и консерватизм на Юге России. Южнороссийское научное обозрение. Ростов н/Д. 2002. Вып. 9. С. 31.

[3] Наименования данных подходов при анализе существующей научной литературы выглядят весьма условными. Так, ситуативный подход часто именуется «функциональным», «структурно-функциональным». Содержательный поход также маркирован как «субстанциональный», «идейно-теоретический», «идеационный» и проч.

[4] Цит. по: Гордеев К.А. Политическая идеология французского консерватизма. Дис. … канд. полит. наук. Москва, 2003. С. 15.

[5] Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1976. С. 234.

[6] Чернавский М.Ю. Два подхода к определению консерватизма // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Сборник научных статей. Ростов на Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 32.

[7] Чернавский М.Ю. Либерализм и консерватизм: социально-философский анализ: дис. … доктора философских наук. М., 2009. С. 35.

[8] Немецкий исследователь К. Мангейм свел все традиционно выделяемые черты консерватизма к двум: антирационализм и антиуниверсализм. Впрочем, и в отношении этих двух признаков единодушие среди исследователей скорее желаемое, чем действительное.

[9] Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001. С. 28.

[10] Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001. С. 29.

[11] Деникин А.В. Русский консерватизм XIX века как социально-философский стиль мышления: дис. … доктора философских наук. М., 2000. С. 62.

[12] Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001. С. 30.

[13] Там же.

[14] «Архаизм» согласно терминологии Е. Шацкого.